

Приложение
ПОЭТ Н.Н. БЕЛОЦВЕТОВ
В ВОСПОМИНАНИЯХ ДРУЗЕЙ И БЛИЗКИХ.
ПО МАТЕРИАЛАМ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ ИМЛИ РАН

© 2022, О.Ф. Кузнецова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: В публикации представлены архивные материалы из фондов Отдела рукописей Института мировой литературы (ОР ИМЛИ РАН). В предисловии дан краткий обзор этих текстов. Среди них — статья «Памяти поэта», написанная в 1975 г. Е.Н. Андрусовой, сестрой Н.Н. Белоцветова, рассказы-вающая о жизни Белоцветова. Также публикуется письмо вдовы Белоцветова к И.В. Чиннову. Она благодарит Чиннова за то, что он помог ей издать посмертную книгу стихов Белоцветова. В письмах 1930-х гг. из Риги от поэта И.В. Чиннова к его другу, тоже поэту, Ю.П. Иваску речь идет о творческой атмосфере в кругу русской интеллигенции Латвии тех лет, о рижском журнале «Мансарда». Белоцветов и оба эти поэта принадлежали тогда к одному кругу русских литераторов, сформировавшемуся в столице Латвии. В письмах 1980-х гг. от Чиннова и Иваска, адресованных собирателю работ Белоцветова члену Антропософского общества Л.А. Новикову, поэты пишут о поэзии Белоцветова. Иваск рассказывает о своих встречах с ним в литературном кружке в Ревеле (Таллине). Чиннов вспоминает об отце Белоцветова, с которым были знакомы родственники Чиннова. Публикуемые материалы открывают новые факты поэтической и личной судьбы Белоцветова.

Ключевые слова: антропософия, архивные публикации, письмо, поэзия, Рига, сборник стихов, статья, эмиграция.

Информация об авторе: Ольга Феликсовна Кузнецова — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3816-2158>

E-mail: oliaol.555@gmail.com

Для цитирования: Кузнецова О.Ф. Поэт Н.Н. Белоцветов в воспоминаниях друзей и близких. По материалам Отдела рукописей ИМЛИ РАН // Codex manuscriptus. М.: ИМЛИ РАН, 2022. Вып. 2. С. 294–309. <https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2022-2-294-309>

Application
POET N.N. BELOTSVETOV IN THE MEMORIES
OF FRIENDS AND RELATIVES.
BASED ON MATERIALS FROM DEPARTMENT
OF MANUSCRIPTS OF IWL RAS

© 2022. Olga F. Kuznetsova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The publication presents archival materials from the funds of the Department of Manuscripts of the Institute of World Literature (IWL RAS). The preface provides an overview of these texts. Among them: the article “In memory of the poet” written in 1975 by E. Andrusova, the sister of N. Belotsvetov, telling about the life of Belotsvetov and also a letter from the widow of Belotsvetov to I. Chinnov is published. She thanks Chinnov for helping her publish the posthumous book of Belotsvetov’s poems. In letters of the 1930s from Riga from the poet I. Chinnov to his friend, also a poet, Y. Ivask, they are talking about the creative atmosphere among the Russian intelligentsia of Latvia in those years, about the Riga’s magazine “Mansarda”. Belotsvetov and both of these poets then belonged to the same circle of Russian writers that had formed in the capital of Latvia. In letters of the 1980s from Chinnov and Ivask addressed to the collector of Belotsvetov’s works, a member of the Anthroposophical Society L. Novikov, poets write about Belotsvetov’s poetry.

Keywords: anthroposophy, archival publications, writing, poetry, Riga, poetry collection, article, emigration.

Information about the author: Olga F. Kuznetsova, PhD in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3816-2158>E-mail: oliaol.555@gmail.com

For citation: Kuznetsova, O.F. “Poet N.N. Belotsvetov in the Memories of Friends and Relatives. Based on Materials from Department of Manuscripts of IWL RAS.” *Codex manuscriptus*, issue 2. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 294–309. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2022-2-294-309>

В «Кабинете архивных фондов эмигрантской литературы им. И.В. Чиннова ОР ИМЛИ РАН» сохранились материалы, касающиеся личной и творческой судьбы Николая Николаевича Белоцвотова (1892–1950). Они публикуются ниже. В их числе — забытая статья 1975 г. Елены Николаевны Андрусовой, сестры Белоцвотова, приуроченная к 25-летию со дня смерти поэта и опубликованная в эмигрантской газете «Новое русское слово», где освещены важные моменты биографии поэта, а также письма родственников и друзей Белоцвотова.

Среди них — впервые публикуемое письмо от вдовы Белоцвотова, Анны Федоровны, к Чиннову, адресованное в Мюнхен, где он жил с 1953 г. и работал на радиостанции «Свобода». В письме она благодарит Чиннова за помощь в издании книги стихов ее мужа «Жатва». Сборник вышел посмертно в Париже в 1953 г. при участии Чиннова, который был хорошо знаком и с поэтическим творчеством Белоцвотова, и с его семьей.

Там же, в архиве поэта И.В. Чиннова (ОР ИМЛИ РАН. Фонд 614) сохранились документы, переписка, письма 1930-х гг. Игоря Владимировича Чиннова (1909–1996) и поэта Юрия Павловича Иваска (1907–1986). Частично письма были опубликованы [1]. Белоцветов там не раз упоминается. Чиннов знал Белоцвотова еще в 1930-е гг., в Риге. И эти, даже краткие упоминания, — бесценны, как живые свидетельства важной роли Белоцвотова, которую он играл в кругу рижской интеллигенции в те годы. Судя по письмам, Белоцветов сыграл весьма значительную роль и в жизни двадцатипятилетнего Чиннова. Несмотря на разницу в возрасте, они нередко встречались. Белоцветов познакомил Чиннова с Тамарой Межак (Шмелинг, 1916–1982), ставшей «девочкой» Чиннова, а позже — женой Иваска. Белоцветов способствовал знакомству Чиннова и Иваска, которое переросло в дружбу — личную и эпистолярную — на многие десятилетия.

Так, в письме от 27 сентября 1934 г. Чиннов писал Иваску, который, как и Чиннов, начал тогда печататься в знаменитом парижском журнале «Числа»: «Я буду очень рад, если Вы мне напишете, мне рассказывал много хорошего о Вас и Ваших друзьях Ник. Ник. Белоцветов. Теперь мы связаны еще и “Числами”» [1, с. 149].

О Белоцвотове Чиннов не раз писал и в других письмах 1930-х гг., ведя «монпарнасские», по-юношески откровенные «разговоры» с Иваском: «Очень люблю стихи Белоцвотова, они благородные и настоящие... Белоцветов необыкновенный человек, хотя в нем много темного, я очень люблю его (как человека, и как поэта)» (январь 1935 г.) [1, с. 153].

Чиннов даже сознается Иваску, что порой попадает под влияние поэзии Белоцвотова, и в письмах юного Чиннова, не издавшего еще ни одной из своих будущих поэтических книг, слышны отголоски бесед,

которые он вел со своим старшим товарищем и коллегой по поэтическому цеху.

Здесь публикуются два письма Чиннова, в которых наиболее ярко отразилась и эпоха, и внутренняя трагедия людей 1930-х гг., современников Белоцветова.

Эти письма Чиннова передают атмосферу русского литературного сообщества Риги 1930-х гг., которая тогда стала столицей нового буржуазного латвийского государства. Они говорят о настроениях и глубоких внутренних исканиях, а порой и отчаянии людей из окружения Белоцветова, оказавшихся в эмигрантской изоляции, и отчасти объясняют философские и антропософские поиски Белоцветова, искавшего ответы на «вопросы века» и увлекавшего своими поисками молодых сотрудников рижского русскоязычного журнальчика «Мансарда», среди которых был и студент юридического факультета Латвийского университета Игорь Чиннов. Журнал издавался Г. Матвеевым и М. Ключковым. О них как о своих друзьях пишет в письмах Чиннов.

Кроме того, здесь впервые публикуются письма начала 1980-х гг. от Игоря Чиннова и Юрия Иваска, адресованные Людвигу Александровичу Новикову (1934–2005) — собирателю наследия Белоцветова. Он был специалистом по истории русского антропософского движения, членом Антропософского общества России. Новиков много лет собирал материалы, связанные с Н. Белоцветовым, что и послужило поводом для его писем Чиннову и Иваску. Оба поэта откликнулись на просьбу Новикова — рассказать о Белоцветове.

Иваск в своем письме Новикову вспоминает о литературном кружке в Ревеле, об их юношеском увлечении поэзией, цитирует строчки Осипа Мандельштама.

Чиннов в письме благодарит Новикова за внимание к своим стихам и рассказывает, что с Белоцветовыми они были «знакомы семьями». Отец Белоцветова возглавлял страховое общество «Саламандра», а двоюродные дяди Чиннова по линии отца были там директорами. В числе друзей Белоцветова была и семья журналиста, сотрудника рижской газеты «Сегодня», П.М. Пильского (1876–1942). Чинновы тоже дружили с Пильскими. В Риге все они принадлежали к одному литературному кругу.

Прошли десятилетия, но старая дружба не забылась. Читая письма Чиннова и Иваска 1980-х гг., мы видим, что даже полвека спустя в их памяти сохранился облик этого человека. Его темные глаза, которые были с каким-то «серьезным вопрошанием» (как пишет в письме Чиннов), его отстраненность от земного — «земные тяжести он не поднимал» (пишет Иваск). И, конечно, запомнилось его увлечение антропософией, что не могло не влиять на поэзию Белоцветова, которую

высоко ценили его современники-поэты, о чем свидетельствуют публикуемые архивные материалы.

Список литературы

1. Чиннов И. Монпарнасские разговоры. Из писем 1930-х годов Игоря Чиннова Юрию Иваску / публ., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. О.Ф. Кузнецовой // Новый мир. 2007. № 10. С. 142–164.

References

1. *Chinnov, I.* “Monparnasskie razgovory. Iz pisem 1930-kh godov Igoria Chinnova Iuriiu Ivasku” [“Montparnasse Conversations. From Letters of the 1930s Igor Chinnov to Yuri Ivask”], publ., text prep., introd. and comm. by O. Kuznetsova . *Novyi mir*, no. 10, 2007, pp. 142–164. (In Russ.)

Елена Андрусова

ПАМЯТИ ПОЭТА

12-го мая с.г.²⁰⁶ исполняется двадцатипятилетие со дня смерти поэта Николая Николаевича Белоцветова.

В своих некрологах и Борис Зайцев, и Юрий Иваск назвали его одним из лучших поэтов русской эмиграции. «Скончался замечательный русский поэт», — написал Иваск, открывший чисто-индивидуальную особенность Н.Н. писать каждое стихотворение «одним дыханием» — как непрерывную музыкальную фразу.

По праву сестры поэта могу добавить, что музыкальность была его второй натурой — с таким глубоким чувством, как он играл Шопена и Скрябина, играли немногие пианисты. Присущая ему задушевность сквозила и в его музыкальном исполнении, и в поэтическом творчестве, и в исключительно нежной любви к матери. Помню, как мальчиком в Петербурге, по возвращении из Реформатского училища, не снимая пальто и галош, он вваливался в спальню мамы, чтобы ее ласково приветствовать.

Коля был старшим из пяти детей, хрупким, с задумчивым, даже отсутствующим выражением больших карих глаз. Но в компании он был веселым, много острил и часто заливался смехом. С ранней юности он собирал в своей комнате (с бюстом Ницше на огромном письменном столе) компанию друзей — поэтов, музыкантов, мыслителей. Когда они переходили в столовую, нам, трем сестрам, разрешалось присутствовать за чайным столом до половины десятого. С каким интересом мы слушали их увлекательные разговоры и как неохотно удалялись раньше времени — до маминого унизительного напоминания: «Девочки, пора спать».

Эти радостные часы были кратковременны. Война перекроила всю жизнь. Второй брат, Андрюша, был сразу призван и ранен уже в августе, а Коля поступил в Михайловское артиллерийское училище и по окончании его попал на войну.

Революция все перевернула. Когда окончательно исчезла надежда на то, что «все уладится», стало ясно, что надо спасаться. Последним из нас бежал Коля, уже распухший от голода. Он спасся в 1921 г., лежа на дне освещаемой прожекторами рыбацкой лодки, которая доставила его в Финляндию. Узнав, что родители были со мной некоторое время в Берлине, он перебрался к нам. А мы-то уж и не чаяли его увидеть! Брат

²⁰⁶ Статья опубликована в газете «Новое русское слово» 12 мая 1975 г.

обосновался в Берлине. Зная в совершенстве немецкий язык, он стал писать не только русские, но и немецкие стихи, статьи и мистерии и читать лекции философского содержания. Он сразу примкнул к кружку русских поэтов и писателей, собиравшихся в кафе. Я помню эти интересные встречи. А в его маленькой квартире собирались друзья, в их числе Борис Зайцев, Андрей Белый и Муратов, которому брат помог переиздать «Образы Италии»²⁰⁷. Борис Зайцев уговаривал Н.Н. переехать с ним в Париж, но брат отказался — он был удовлетворен своей деятельностью в Берлине. По этой причине он не примкнул к плеяде русских поэтов и писателей, центром которых был Париж.

В 1926 году вышел его «Ангел Силезский»²⁰⁸, а в 1930 году — первый сборник стихов «Дикий мед». За ним последовал «Шелест».

Характерно для поэта по музыке речи и глубине чувства появившееся в «Шелесте» стихотворение:

А ведь когда-нибудь, друзья,
Как в океан впадают реки,
А ведь когда-нибудь и я,
 И я когда-нибудь навеки...
И в звездных сферах бытия,
В хрустальных сферах Птолемея
 Развеется душа моя,
Перед Создателем немея...

Очень характерно для него устремлением ввысь и такое стихотворение:

Но ведь есть же, есть еще свобода!
Каждый может думать о своем,
Восторгаться зрелищем восхода,
Вспоминать покинутый свой дом.

Но ведь есть же, есть еще граница,
Где никто не смеет задержать.
Где нас ждет Небесная Царица,
Всех скорбящих благостная Мать.

²⁰⁷ Видимо, имеется в виду третий том очерков Павла Павловича Муратова (1881–1950) «Образы Италии», который вышел в Берлине в 1924 г. Книга была посвящена писателю Борису Константиновичу Зайцеву (1881–1972). После эмиграции Зайцев жил в Париже.

²⁰⁸ Ангел Силезский. Избранные двустишия из Херувимского странника. — Пер. Николая Белоцветова. — Берлин, 1926. В книгу вошли переводы стихов германского поэта-мистика Иоганна Шеффлера (1624–1677). Затем, тоже в Берлине, появился сборник стихов Н. Белоцветова «Дикий мед» (1930), сборник «Шелест» (1936) вышел в Риге, а «Жатва» (1953) — посмертно — в Париже.

Но ведь есть же, есть еще на свете
 Соловьи, и звезды, и друзья,
 Шелест дней и гром тысячелетий,
 Храмов звон и радость бытия.

Так чего ж грустить и ужасаться,
 Что в пути настигла нас беда:
 Есть же, есть еще куда спастись,
 Горний свет доходит и сюда!

Ясно, что падение старой немецкой культуры с приходом к власти Гитлера заставило брата покинуть Германию. Он переехал с женой в Ригу, где мы все обосновались. В Риге он приобрел таких друзей, как Иваск с женой, супругов Пильских и Игоря Чиннова, которого брат поощрял в его юношеских начинаниях поэта.

И снова оборвалась налаженная жизнь. Последовали переезд в Германию с женой и маленькой дочкой, спасение в Штутгарте из подвала разрушенного бомбой дома, на север в Мюльгейм, а после окончания войны его тяжелая, длительная болезнь, помешавшая ему переехать с его сестрами в США.

Брат уже не поправился. Он с большой кротостью переносил свои страдания. Лишившись голоса, он мог только взглядом своих выразительных глаз проститься со своей верной спутницей жизни и дочкой. Он скончался в солнечное утро 12-го мая 1950 года, как он пророчески написал о своей смерти:

Я боюсь, что яблоневым цветом...
 ...не осенью не летом,
 А под всплеск весенних белых клавиш,
 В час, когда неотразимо нежен
 Этот мир в сиянье непорочном...

Посмертный сборник Н.Н. Белоцветова «Жатва» вышел в Париже в 1953 г. А его выдающаяся былина о Распутине еще не была опубликована. Брат мечтал о том, чтобы она стала достоянием русского народа.

Его вдова, Анна Федоровна, живет на Рейне с дочерью Людмилой и зятем — оперными певцами. В их доме память о «Коленьке» настолько жива, что забываешь, что он умер четверть века тому назад, и ка-

²⁰⁹ Газетная вырезка статьи хранится: ОР ИМЛИ. Ф. 614. Оп. 3.2. Ед. хр. 5.

жется, что вот-вот он войдет, подсядет и своим мягким голосом начнет читать стихи²⁰⁹.

ПИСЬМА

А.Ф. Белоцветова — И.В. Чиннову

<26 января 1954 >

<Первые две страницы письма не сохранились.>

А Вы, дорогой Игорь Владимирович, ужились ли Вы в Мюнхене, нашли ли круг друзей? Как чувствуете себя в нем? Как жаль, что служба отнимает у Вас столько времени и сил, и Вам, по-видимому, не удастся работать для себя, «для души». Или Вы все-таки урываете время и пишете? От души желаю Вам этой возможности!

Спасибо Вам не только за Ваши письма, поздравления, пожелания, сообщения, но и за присылку статьи о Ник<олае>Ник<олаевиче> в «Гранях»²¹⁰. Поблагодарите, пожалуйста, Вашего знакомого за его большую любезность. Вы назвали эту действительно умную и на редкость хорошую (я бы сказала, поминальную) статью короткой заметкой. Только поэтому я попросила Вас ее списать для меня. Думаю, не профессор ли Степун написал ее. Зрелость и самостоятельность суждения сочетается в ней с редким даром в немногих словах высказать действительно основное и важное и показать его в приведенных стихах. Недоговоренное выразили сами стихи. Автор (и без всякого эгоцентризма) старается сберечь поэта от всякого рода «поклепов», ища для этой цели даже новые слова — «поэт мгновенного»... Спасибо ему!

Спасибо Вам большое и за Ваши хлопоты. Антология до меня до сих пор не дошла, как не дошли до меня и выписанные Вами для меня 10 экз. «Жатвы». Я ведь Вам писала, что ничего не понимаю в технической стороне этого дела, т.е., что мне полагается, и в каких пределах, и на каких условиях. Поэтому я Вам особо благодарна за посредничество. «Трем сестрам» я написала, откуда можно выписывать сборник.

Письмо заканчиваю 26/1. Простите, что задержалась.

Всего, всего доброго! Сердечные приветы от меня и дочки.

Ваша А. Белоцветова.

²¹⁰ Имеется в виду рецензия под названием: «Белоцветов Н. «Жатва». Третья книга стихов. Париж, 1953» («Грани». 1953. № 17. С. 147). Рецензия вышла за подписью — «А.Н.». Философ, историк Федор Августович Степун (1884–1965) тогда жил в Мюнхене, Чиннов его хорошо знал. Авторство этой рецензии не установлено.

²¹¹ Письмо хранится: ОР ИМЛИ. Ф. 614. Оп. 3.2. Ед. хр. 5.

Не знаю, как Вам адресовать, с докторским титулом или без. Как Вам приятнее²¹¹?

И.В. Чиннов — Ю.П. Иваску
Из писем 1930-х годов

11.10.1934

Дорогой Юрий Павлович!

Простите, что я редко пишу Вам, Вы правы, у меня сейчас все очень сложно, а для писем нужен покой, какая-то свобода, все, что я люблю, чего у меня не стало. Напишите мне сами, я ведь дорожу Вашими письмами, и пришлите стихов. И мне нужны собеседники, хотя и странно иногда, что самое главное высказывается двум-трем, одному даже. Правда мне все-таки не хочется ради того, чтобы увеличить их число, печататься в «Нови»²¹², и вообще, не хочется уже печататься в эмиграции. Здесь почти нет ответа никому, ни даже молчаливого, не надо писать ни для кого. Вероятно, несколько человек похожих в главном на, например, Вл. Варшавского²¹³, здесь есть, но «круговой поруки» здесь по-моему не может быть, а без этого ничего не надо. Знаете, все в жизни противоречиво, невнятно (не по-толстовски, никак не по-короленковски, — который просто глуп), все сложно и «неопределенно», но если хотеть жить, то нельзя не понять, что смысл жизни, едва ли не наибольший, ее самое живое значение сейчас в России: там какая-то разно-активная сущность жизни, а у нас какое уж: «торжество, победа и бессмертие». Жизнь даже Адамовича²¹⁴ здесь не имеет смысла, сейчас не эпоха «малых дел», «умного делания», «тайной внутренней работы». И никакое сосредоточение, никакое совершенствование не может искупить вины и ненужности. Уже нельзя писать для двух-трех, а иначе здесь писать совсем нельзя, эмигранты (а «латвийцы» и прочие вообще не стоят, чтобы думать о них) стали еще мельче, и не надо быть около них. А Европа и немцы, о которых Вы пишете, все-таки чужие. Я почти ничего не знаю, но это наверно.

²¹² Ю. Иваск печатался в этом таллинском журнале. В частности, в 1934 г. там, в № 6, была напечатана его статья «Цветаева».

²¹³ Варшавский Владимир Сергеевич (1906–1977), писатель, литературный критик. Известен своей книгой «Незамеченное поколение» (Нью-Йорк, 1956). В 1939 г. вступил в ряды французской армии. Воевал, попал в плен, освобожден после окончания войны.

²¹⁴ Адамович Георгий Викторович (1894–1972), поэт, литературный критик, глава и вдохновитель «парижской ноты» — литературного направления, возникшего в эмиграции.

Как Вы собираетесь прожить жизнь? Надо непременно что-то изменить, я совсем не знаю, как буду жить здесь, слишком все смешноватое. Адамович сказал, что литература рождается в темном погребе личности, но человек не останется в погребке навсегда, или погибнет. Понимаете, Бога, может быть, и нет, — кто знает! Но есть смерть — или загробная жизнь, отрабатывание жизненных недоимок, есть нелепо сложившаяся жизнь человечества. И темный погреб, мерцающий в нем иногда человеческий светляк, все с самосовершенствованием связанное, — в мире слишком ничтожны.

А там есть, хоть и изуродованное, подобие всеобщности, общего дела, братства, всечеловечества, общей борьбы против мертвого, никаким Богом не ведомого мира. Там живет Орфей, там у него есть помощники. Теперь человеку не прожить одному — надо же чувствовать наше время!

Я перечитал свои прежние писания — и верно, и неверно. Жалко отказываться от всего, а надо, *так* нельзя жить. Мне скоро двадцать пять, через год, но все-таки, и тогда надо кое в чем с самим собой сговориться — чтобы жить. Мне не удастся в письме сказать обо всем ясно, да, жаль, что Вы не в Риге. Где Вы еще печтаетесь, может быть в немецких, эстонских журналах? Я должен приниматься за работу, вот только стихотворение для Вас, в прежнем, впрочем, моем стиле:

А может быть, неясное сиянье
Напомнило другую чистоту,
Другое незаметное мерцанье
Так осветило каждую черту,

И мертвого Его лица могла ты
Коснуться на евангельском кресте,
Когда напомнил жемчуг тускловатый
О смерти, совершенстве, чистоте.

Спасибо за Ваши письма. Напишите мне. Не вините меня, что я отвечаю так нескоро. Спасибо за участие, жму крепко Вашу руку, будьте счастливы, до свидания.

Ваш И.Чиннов.

²¹⁵ Мандельштам Юрий Владимирович (1908–1943), поэт, писатель. В 1930 г. в Париже вышел его сборник стихов «Остров». Погиб в немецком концлагере.

²¹⁶ Фельзен Юрий (псевдоним Н.Б. Фрейденштейна, 1895–1943), прозаик, литературный критик. Погиб в немецком концлагере.

²¹⁷ Письмо хранится: ОР ИМЛИ. Ф. 614. Оп. 2.2.

<На полях:> Что вообще числовцы? Ю.Мандельштам²¹⁵ просто нахал и не очень даже талантлив. Фельзен²¹⁶ там единственный талантливый. У Белоцветова умер отец, Вы знаете²¹⁷?

1935

<без даты>

Дорогой Юрий Павлович,

спасибо за карточку и за стихи. У Вас что-то мне очень знакомое в чертах, как будто виденное лицо. Мы должны встретиться, хотя бы летом. В стихах Ваших есть мелодизм. И есть очарование, тягучесть. Я очень люблю такую густоватую волну голоса. Странно: сейчас, вот именно в эту минуту, перечтя в Вашем письме «действительный мрак», я почувствовал, точно уже до того, как письмо пришло, когда-то, я его, эти строки со ссылкой на Белоцветова, читал и видел Вашу карточку. Это бывает иногда. Следует думать, что перед жизнью, как перед смертью, человек видит эту свою жизнь, и потом какие-то отрывки ее ему напоминают уже виденное.

Иногда, несмотря на наши «несогласия», я читаю Ваши строки как заветные свои: да, когда доходит до «бесклассового общества» и до «что же дальше?», — то часто и для меня ничего больше нет, «кроме Пушкина, Лермонтова, их опыта».

Как трудно верить в полноту «финальной гармонии». Религия рисует очень, все-таки, ограниченные виды, нет хороших, «предельных», окончательно для нас достаточных слов: мы как-то не соглашаемся в растворении в блаженстве, в Боге. Я не представляю себе длительного совершенства, а «окончательную смерть», «смерть вполне» (Ваши «Записки») как-то иногда для себя лично одобряю, хотя, вероятно, тут виновато мое человеческое неумение понять, представить.

Кстати, я думаю, что не ради себя, а ради общего достоинства и достоинства главного принципа — мы не смеем быть уступчивы. Нельзя с дурным в мире мириться, нельзя быть к Богу снисходительным (простите это скверное выражение). Нельзя потому, что совершенство надо любить больше, чем Бога (это можно разделять: достоинство Рыцаря надо любить больше, чем Рыцаря лично. Идею надо любить больше, чем вместилище ее. По крайней мере, я так люблю. И, кажется, прав.).

Вот Вам стихи²¹⁸, к этому относящиеся.

Юрию Павловичу Иваску

Пыльцой печальной, пчелою на детском плече,

²¹⁸ Стихотворение не было включено И.В. Чинновым ни в одну из его книг.

Ты станешь пчелой обреченной и детской слезою,
 Полуночным плачем, пчелою, летящей к свече,
 Ты пеплом и каплею станешь, и медом, и мглою,

Цветком постаревшим, частицей не нашей любви,
 Церковной лампадой, ты в ладан синеющий канешь.
 Но годы настанут: ты станешь мне горем в крови,
 Далекой дорогой, звездой, ты призраком станешь,

Моей молчаливой сестрою и вечной судьбой,
 Ты кровью мне станешь, ты станешь мне болью на сердце,
 Ты станешь мне прежнею жизнью и будущей мглой,
 Ты станешь болезнью, ты станешь покоем по смерти.

И. Чиннов. 1934

Защита искусства все-таки едва ли растрата энергии впустую (Орфей). Если у человека есть что миру сказать, хоть и совсем мало, хоть и совсем для мира остающееся незаметным, все-таки он что-то сделал, если даже и совсем что-то неутешительное сказал. В литературе нужно и важно немного, но эта бессвязная и нестройная беседа иногда оживляется такой мыслью, что как-то не верится, что это останется никак не услышано. Что-то выражается иногда в искусстве, без чего мир не должен остаться, что-то узнается о страшно важном.

Иногда я, неверующий, не любящий людей и уклоняющийся от влияний, чьих бы то ни было, чувствую правоту Белоцветова.

Вот Вы спрашиваете меня о моих друзьях. Лет шесть тому назад Белоцветов меня познакомил с Тamarой Шмелинг, почти ученицей, писавшей стихи (кстати, о ней я писал Иртелю²¹⁹). Я думаю, что из всех, кто был мне по-дружески близок, она имела на меня самое сильное влияние и только не научила верить в Бога, как верит. Мне всегда казалось самым хорошим в человеке сочетание детскости с удивительной зрелостью, удивительным умом, удивительной душевной (даже духовной) прелестью — точно душа, уже перенесшая несколько жизней, вдруг снова девическая, даже детская иногда. Когда я несколько лет тому назад был — целый год — влюблен в одну свою соученицу, теперь умершую, то тогда тоже меня поразило приблизительно такое же сочетание. И тоже что-то рыцарское, только с более женственным, женским чело-

²¹⁹ Иртель Павел Михайлович (1896–1979). Редактировал в Таллине (Ревеле) журнал «Новь», создал и возглавлял таллинский кружок «Цех поэтов», в котором участвовал и Ю. Иваск.

вечески-преlestным оттенком. Изредка мне случалось встречать настоящих людей. В деревне как-то познакомился с одной староверкой, почти самоучкой, и тоже: та же врожденная, удивительно верная, чистая культурность, безошибочность. Мы и теперь переписываемся. Был на ее свадьбе. Теперь бываю часто в обществе одной случайной знакомой из-за ее красоты, действительно редкой, и для меня, как и других, прямо неудобной. До сих пор возле красоты столь выразительной мне не приходилось бывать, и поэтому пока это заслоняет от меня все другое.

Из мужчин был я очень дружен с поэтом Георгием Матвеевым (он напечатан в ранней «Нови»), обще-талантливым и очень очаровательным как-то душевно. Хотя я всегда знал, что он более дурен, чем хорош, с жесткой, хваткой себялюбивостью, позирующий и равнодушный, но обаяние в нем есть. В том же лит. кружке сошелся я с сапожником и коммунистом Мих. Клочковым, очень интересным, начитанным, письма его ко мне — замечательные. Еще из коммунистов дружил я с неким Бор. Вейнбергом, теперь арестованным за организацию тайной типографии (я и не знал. Непосвященный), поэтом стиля Сельвинского²²⁰, умницей, мне импонировавшим, и т.д. Всех не перечислишь. Дружил с одним настоящим сумасшедшим, два дня даже с сутенером (больше не хочу, а с сумасшедшим повторил бы, м.б.).

Завидую Вашему знакомству с Бердяевым, Цветаевой. Мне часто хотелось тоже им, да и другим, написать. Да так и не собрался.

Опять дела. Надо бросать письмо. Вот стихи²²¹, которые я с этим письмом хотел послать. Они не живут отдельно. Только вместе с другими моими, они «дополнительные», но все равно.

Я видел и после забыл
Пустые туманные дали.
Но если он их разбудил...
Но если они отвечали...

О, если средь тех же полей,
В такой же тоске промедленья,

²²⁰ Сельвинский Илья Львович (1899–1968), поэт. В начале 1920-х гг. стал лидером группы конструктивистов. Первый сборник стихов выпустил в 1926 г. Писал экспериментальные эпические поэмы, в 1930-е — авангардистские стихотворные драмы. В конце 1920-х вел полемику с Маяковским.

²²¹ Стихотворение было позже существенно переработано.

²²² Письмо хранится: ОР ИМЛИ. Ф. 614. Оп. 2.2. Ед. хр. 1.

Быть может, услышал Орфей
Почти незаметное пенье...

Напишите мне. Жму крепко Вашу руку. Ваш Игорь Чиннов²²².

Ю.П. Иваск — Л.А. Новикову

11.11.1981

<Имя адресата заклеено>

Спасибо за Ваше письмо от 7 марта 81 года, за внимание.

Я и моя жена Тамара Георгиевна знали Николая Николаевича по Риге и Ревелю (Таллину). Он был антропософ. Я впервые встретился с ним около 1930 г. в ревельском литературном кружке (довольно жалком, провинциальном!).

Н.Н. сказал: — А помните, у Мандельштама — «В Петербурге мы сойдемся снова...»²²³, и я уже заканчивал строфу, как и он, когда я читал: — «А над Невой — посольства полумира...»²²⁴. Тогда существовала как бы секта поклонников Мандельштама, но и Пастернака, Цветаевой. Любили мы и Блока, Ахматову, но они были также и для ширпотреба.

У отца Ник<олая> Ник<олаевича> были какие-то средства, так что он мог не работать. Увлекался антропософией — мне абсолютно чуждой. Слышал — позднее, уже после II Войны, он перешел в католичество, и этому порадовался, т.е. тому, что опять стал христианином. Так я ощущаю...

Его даты: 1892–1950. Последний сборник ЖАТВА, Париж, 1953 г. Его совсем забыли. У него была своя интонация, он умел одну фразу растянуть на три строфы. Это стихи-заклинания. Только слышал об эстонском антропософе Тауберге²²⁵.

У Ник<олая> Ник<олаевича> как у людей, изображаемых Модильяни, было два измерения — т.е. не было объема, по крайней мере, так нам казалось.

Он промелькнул в моей жизни легкой тенью из Елисейских полей.

Наши земные тяжести он не поднимал — и это от него отдаляло. Но благодарен за встречу с ним. Шлю привет. Ваш Ю. Иваск²²⁶.

²²³ «В Петербурге мы сойдемся снова...» (1920 г.) — стихотворение Осипа Мандельштама.

²²⁴ «А над Невой — посольства полумира...» — строки из стихотворения Осипа Мандельштама «Петербургские строфы» (1913 г.).

²²⁵ Возможно речь идет о В.А. Томберге. См. наст. изд. с. 31.

²²⁶ Письмо хранится: ОР ИМЛИ. Фонд Л.А. Новикова.

И.В. Чиннов — Л.А. Новикову

3 декабря 1981

Милый Людвиг А.

Ваше письмо меня очень обрадовало, заинтересовало. Спасибо за внимание! Простите, что отвечаю с запозданием: но я лентяй, здоровье мое «не важнецкое», быстро устаю — и я ведь втянут в обширную переписку: на смену быстро редееющим рядам старых эмигрантов приходят новые «волны» корреспондентов — и нужен бы мне секретарь, секретарша, да вот не достать никого.

Рад «Вашей» выборке стихов из «Метафор»²²⁷: названные Вами, — и мои «фавориты». А некоторое Ваше сопротивление моим гротескам понимаю вполне. Но почему-то тянет меня писать «впережку»: то за здоровье, то за упокой. Вот в восьмой моей книге «Автограф»²²⁸ будет «fifty-fifty»: 50% на Антона, 50% на Онуфрия или, как развалился якобы пароход «12 апостолов»: «6 апостолов налево, 6 апостолов направо», согласно анекдотическому рассказчику.

Вы спрашиваете о Н.Н. Белоцветове. Я с ним часто встречался, после его отъезда из Берлина, а в Париже издал его сборник «Жатва». У него были хорошие стихи, но мешала ему антропософия. Да, потом он и жена перешли в католичество... Его глубоко запавшие темные глаза были с каким-то «серьезным вопрошанием» (а отец был внедуховный, главный директор страх<ового> общ<ест>ва «Саламандра», где трое моих дядей, ф. Морр: Курт, Эрих, Вальтер, адвокаты, были директорами. Мать Н.Н. была из англичан, Тикстон). А в Риге он издал «Шелест», в Берлине у Петрополиса, давно, «Дикий мед». Но, конечно, он был «a minor poet».

Каких поэтов Вы любите особенно?

Буду ждать Вашего письма, даже писем. Я нерадивый корреспондент, но нерадивость не равнодушие, поверьте. Я очень, очень рад, что Вы написали. Счастливых Праздников!

Ваш сердечно Игорь Чиннов²²⁹.

²²⁷ Книга стихов Игоря Чиннова «Метафоры» (США, 1968).

²²⁸ Книга стихов Игоря Чиннова «Автограф» (США, 1984).

²²⁹ Письмо хранится: ОР ИМЛИ. Ф. 614. Оп. 3.2. Ед. хр. 5.